

«КОНСЕНСУСНОЕ ПРАВОСУДИЕ» ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ: НОВАЦИИ ГОСУДАРСТВ – УЧАСТНИКОВ СНГ

© 2021 г. О. И. Семькина

*Институт законодательства и сравнительного правоведения
при Правительстве Российской Федерации, г. Москва*

E-mail: semykola@yandex.ru

Поступила в редакцию 27.10.2020 г.

Аннотация. В статье анонсируются векторы адаптации механизмов частноправового регулирования в уголовном и уголовно-процессуальном праве. В рамках компаративного подхода выдвигается к обсуждению тезис о формировании в юрисдикциях государств – участников СНГ новой модели отправления правосудия по уголовным делам, нацеленной на достижение «консенсуса» между субъектами публичных правоотношений – стороной защиты и обвинения – о «цене» преступления и о приобретаемой «выгоде» от последствий при «уплате» таковой для конкретной стороны. Эта модель урегулирования конфликта, обладая высокой для уголовного права и уголовного процесса диспозитивной природой, позволяет государству (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) в обмен на скорейшее достижение целей правосудия и процессуальную экономию «предложить» «фигуранту» уголовного дела (подозреваемому, обвиняемому и порой подсудимому) определенные преимущества. Автор полагает возможным приложить к модели, в рамках которой заключаются, обсуждаются и исполняются «договоры» частноправового характера, определение «консенсусное правосудие». При подаче материала не преследовалась цель освещения подходов к соответствующим преобразованиям во всех без исключения юрисдикциях государств – членах интеграционного объединения СНГ. Автор ограничил предмет данного анализа новационными во времени и пространстве механизмами регламентации «консенсусного правосудия», к апробации которых уже обратилось уголовное и (или) уголовно-процессуальное законодательство Российской Федерации, Кыргызской Республики, республик: Беларусь, Казахстан, Молдова и Узбекистан. Аккумуляированные в статье положения и выводы отражают авторскую позицию, они не бесспорны и могут вызвать дискуссию.

Ключевые слова: «консенсусное правосудие», уголовное право, уголовно-процессуальное право, договор, соглашение, примирение сторон, сделка с правосудием, досудебное соглашение о сотрудничестве, субъекты предпринимательства, компаративистика.

Цитирование: Семькина О.И. «Консенсусное правосудие» по уголовным делам: новации государств – участников СНГ // Государство и право. 2021. № 8. С. 50–58.

DOI: 10.31857/S102694520012403-4

“CONSENSUS JUSTICE” IN CRIMINAL CASES: INNOVATIONS OF THE MEMBER NATIONS OF THE COMMONWEALTH OF INDEPENDENT STATES

© 2021 O. I. Semykina

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Moscow

E-mail: semykola@yandex.ru

Received 27.10.2020

Abstract. The article announces the vectors of adaptation of mechanisms of private law regulation in Criminal and criminal procedure Law. Within the framework of a comparative approach, the thesis is put forward for discussion on the formation in the jurisdictions of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States of a new model of the administration of justice in criminal cases, aimed at reaching a “consensus” between the subjects of public law relations – the defense and prosecution sides – on the “cost” of the crime and the resulting “benefit” from the consequences of “paying” such for a particular party. This model of regulation the conflict, which has a high dispositiveness for Criminal Law and criminal procedure, allows the state (represented by the bodies conducting the criminal process) in exchange for the speedy achievement of the goals of justice and procedural economy, to “propose to the “defendant” of the criminal case (suspect, accused and sometimes defendant) certain advantages. The author considers it possible to apply the definition of “consensus justice” to the model within which “contracts” of a private law nature are concluded, discussed and executed. When submitting the material, the aim was not to highlight the approaches to the corresponding transformations in all, without exception, the jurisdictions of the countries participating in the Commonwealth of Independent States integration association. The author limited the subject of comparative analysis to innovative in time and space mechanisms for regulating “consensus justice”, the approbation of which is already provided for by the criminal and (or) criminal procedure legislation of the Russian Federation, the Kyrgyz Republic, the Republic of Belarus, Kazakhstan, Moldova and Uzbekistan. The provisions and conclusions accumulated in the article reflect the position of the author, they are not indisputable and can cause discussion.

Key words: “consensus justice”, Criminal Law, criminal procedural law, contract, agreement, conciliation, “plea bargaining”, pre-trial cooperation agreement, business persons, Comparative Law.

For citation: *Semykina, O.I. (2021). “Consensus justice” in criminal cases: innovations of the Member Nations of the Commonwealth of Independent States // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 8, pp. 50–58.*

Позитивное воздействие на развитие уголовно-го и уголовного процессуального права государств – участников СНГ оказало расширение подходов к заимствованию диспозитивных методов частного права, характерных для института «договора» (*contract*). Приведенный тезис требует ответа как минимум на два вопроса: 1) возможно ли заимствование привнесенных частноправовых институтов в столь консервативные отрасли права, обновление которых с большим трудом выходит из режима «ожидания перемен»¹; 2) если такое заимствование имеет место, сохраняются ли границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права?

Ответ на первый вопрос, на наш взгляд, весьма прост, поскольку заложен в нынешних реалиях. Как прозорливо отмечал С.Н. Братусь, «между отраслями права нет непроходимых граней, как нет их и между различными видами общественных отношений»². Объективное развитие предмета правового регулирования неизбежно приводит к возникновению новых общественных отношений и порой даже к появлению новых отраслей права³.

Право, будучи консервативнее регулируемых им отношений, имеет тенденцию приспособления к тем новациям, которые формируются в постоянную систему и, таким образом, нуждаются

в правовом оформлении. Возможны два способа совершенствования правового регулирования: адаптация действующих регуляторных механизмов к новым отношениям либо создание новых, специальных норм, регулирующих общественные преобразования. Обойтись лишь незначительной ревизией действующей системы уголовно-правовых норм с учетом тех или иных новаций в общественной жизни вряд ли удастся⁴. Разрастающиеся масштабы глобализации общественных процессов будут продолжать ставить новые задачи перед правом, в системе отраслей которого уголовное и уголовно-процессуальное право не являются исключением.

Итак, один из возможных способов модернизации регулирования уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношений в Российской Федерации и иных государствах – участниках СНГ заключается в преобразовании уже действующих, ставших традиционными за долгие годы своего существования, механизмов разрешения конфликта. При описании этого способа «пальму» первенства в заимствовании диспозитивных начал институтов частного права следует отдать примирению с потерпевшим и гражданскому иску в уголовном судопроизводстве⁵. Но подчеркнем, что из двух

¹ Подробнее см.: *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.

² *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 106, 107.

³ См.: там же.

⁴ См., напр.: *Нешатаева Т.Н.* Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Росс. правосудие. 2019. № 5. С. 38, 39; *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1

⁵ Подробнее см.: *Правовая защита потерпевших в зарубежных странах / отв. ред. С.П. Кубанцев.* М., 2017. С. 208–216, 297–300.

названных проявлений частно-искового характера уголовного судопроизводства обязательные договорные элементы с их формальным оформлением присущи лишь одному из них – примирению с потерпевшим. Являясь своеобразным, публичным аналогом «договора», именно эта форма урегулирования конфликта предполагает достижение взаимности. Сторона защиты (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый) соглашается загладить причиненный преступлением ущерб (возместить вред) и признать вину. В обмен на эти условия сторона обвинения (пострадавший (жертва), потерпевший) не возражает против освобождения лица от уголовной ответственности и прекращения уголовного преследования в отношении его.

Однако, если говорить о подходах УК РФ (ст. 76)⁶ и УПК РФ (ч. 2 ст. 20)⁷, в этом «договоре» имеется один специфический нюанс – подобные условия могут применяться лишь в отношении определенной уголовно-процессуальным законодательством категории уголовных дел, возбуждаемых в частном порядке. С одной стороны, с точки зрения гражданского права наличие такого нюанса не удивительно, поскольку специальные условия могут оговариваться в различных видах договоров (купли-продажи, аренды, поставки и др.). С другой – именно характер и тяжесть совершенного преступления, обладающего сугубо частной направленностью, сохраняет границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права, не позволяет институту примирения сторон вторгаться в сферу публичных интересов и тем самым презюмировать для субъекта преступления легкий способ избежать уголовно-преследования.

Возможно, с точки зрения действующих редакций ст. 76 УК РФ и ч. 2 ст. 20 УПК РФ подобные суждения логичны и обоснованы. Подобное видение ситуации, на наш взгляд, вскрывает тенденцию поэтапного сужения подхода законодателя к практическому применению этого института. Современное ограничение условий соглашения о примирении лишь тремя единично возможными статьями Уголовного кодекса РФ, при вменении которых такой механизм допустим, не исключает перспективу вытеснения этого института иными регуляторами частноправового характера. Иной, более широкий подход к определению видового (количественного) состава статей Уголовного кодекса, относимых к делам частного обвинения, выявляется при обращении к уголовно-правовому и (или) уголовно-процессуальному регулированию института примирения в других государствах – участниках СНГ,

близких к нам по правовой традиции. В качестве примера можно акцентировать внимание на регламентации этого института в УК и УПК Кыргызской Республики⁸, Республики Казахстан⁹ и Молдовы¹⁰.

Более сложно ответить на второй вопрос и обозначить границы отраслевой идентичности уголовного и уголовно-процессуального права, их публичности и непреложной репрессивности мер, изначально заложенных в юридической природе общественных отношений, развивающихся по императивной схеме «государство (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) → субъект преступления (подозреваемый, обвиняемый, подсудимый)». Особую остроту этому вопросу придают новации в уголовном и уголовно-процессуальном праве государств – участников СНГ, в результате которых создаются специальные, прежде не характерные для публичного права, нормы, регулирующие общественные трансформации. С одной стороны, имплементируя договорные механизмы в эти отрасли публичного права, мы не можем отвергнуть, а порой и преодолеть формулу охранительного права «государство → субъект преступления». Как точно отметила Э.Л. Сидоренко, в этой формуле заключено основное «зерно» публично-правового регулирования – «обезличивание охраняемых прав и свобод и обеспечение их охраны на основе принципа уравнивающей справедливости»¹¹. По сути, приведенная формула характеризует своеобразную уступку права требования восстановления социальной справедливости (наказания субъекта преступления) от частного лица (потерпевшего) к публичному (государству). Иными словами, обладатель прав (потерпевший) «делегировать их защиту государству, а сам либо исключается из числа субъектов уголовно-правовых отношений, либо приобретает статус пассивного наблюдателя»¹².

⁸ См.: УК Кыргызской Республики от 02.02.2017 г. № 19. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111527>; п. 42 ст. 5, ч. 2 и 3 ст. 23, ст. 499–501 УПК Кыргызской Республики от 02.02.2017 г. № 20. URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111530>

⁹ См.: ст. 68 УК Республики Казахстан от 03.07.2014 г. № 226-V ЗПК. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000226>; ч. 2 и 3 ст. 32 УПК Республики Казахстан от 04.07.2014 г. № 231-V ЗПК. URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/K1400000231>

¹⁰ См.: ст. 109 УК Республики Молдова от 18.04.2002 г. № 985. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=120900&lang=ru; ч. (1), (5) и (6) ст. 276 УПК Республики Молдова от 14.03.2003 г. № 122. URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=121208&lang=ru

¹¹ Сидоренко Э.Л. Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 199.

¹² Там же.

⁶ См.: СЗ РФ. 1996. № 25, ст. 2954.

⁷ См.: СЗ РФ. 2001. № 52 (ч. I), ст. 4921.

С другой стороны, проведенный компаративный обзор уголовного и уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации и иных государств – участников СНГ позволяет заключить о преодолении (хотя и по строго определенным категориям уголовных дел) «однбокости» формулы «государство → субъект преступления» путем имплементации в публичную сферу альтернативных механизмов урегулирования конфликтов, присущих институтам частного права. Как следствие, уголовно-правовые и уголовно-процессуальные отношения выстраиваются в ином, основанном на взаимных условиях, соотношении «государство → субъект преступления». В данной ситуации прежде всего следует вести речь о заключении «договоров» по уголовным делам как одном из альтернативных способов достижения целей уголовного судопроизводства, включая деятельность суда по отправлению правосудия. «Договорной» способ урегулирования уголовно-правового конфликта есть важный элемент процессуальной экономики, состоящий в ускорении уголовного судопроизводства и сокращении нагрузки на правосудие¹³.

При адаптации механизмов частноправового регулирования, свойственных институту «договора» в уголовном и уголовно-процессуальном праве с учетом соблюдения публичности, высокой императивности и консервативности, в юрисдикциях государств – участников СНГ образовалась новая модель отправления правосудия по уголовным делам. На наш взгляд, к такой модели, в рамках которой заключаются, обсуждаются и исполняются договоры и соглашения частноправового характера, можно приложить определение «консенсусного правосудия»¹⁴ (в широком понимании правосудия как деятельности органов, ведущих уголовный процесс, включая суд¹⁵). Эта модель, обладая высокой для уголовного права и уголовного процесса диспозитивной природой, позволяет государству (в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) в обмен на скорейшее достижение целей правосудия и процессуальную экономию «предложить» «фигуранту» уголовного дела

(подозреваемому, обвиняемому и, порой, подсудимому) множество преимуществ.

«Договор» как способ преодоления уголовно-правового конфликта возможен при достижении консенсуса между субъектами публичных правоотношений – стороной защиты и обвинения – о «цене» преступления и о приобретаемой «выгоде» от последствий при «уплате» таковой для конкретной стороны. Сторона обвинения (государство в лице процессуальных органов, ведущих уголовный процесс) предлагает стороне защите (подозреваемому, обвиняемому) определенную «цену» – условия, выгодные для достижения целей уголовного судопроизводства в разумные сроки. Как правило, такие условия заключаются в уступке государства от применения наиболее строгих санкций в обмен на содействие правосудию и скорейшее разрешение уголовно-правового конфликта. Сторона защиты либо принимает такие условия (если получаемые «льготы» от уступки со стороны обвинения оправдывают предложенную «цену»), либо отказывается от них (например, в силу их малозначительности). Инициатором подобного «договора» в уголовном судопроизводстве может выступать как сторона обвинения, так и сторона защиты. Но скорее важно иное обстоятельство – достижение при заключении «договора» консенсуса. Казалось бы, в уголовное и уголовно-процессуальное право имплементирован полный аналог института «договора» в гражданском праве. Но именно здесь мы сталкиваемся с превалированием отраслевой идентичности – в уголовных и уголовно-процессуальных отношениях «диктатором» условий договора (путем их формулирования в нормах Уголовного или Уголовно-процессуального кодексов), равно как и субъектом, в компетенцию которого входит исключительное право юридического признания «договора», является только сторона обвинения (государство).

В этой части несомненный интерес представляет компаративный обзор интерпретации в национальных юрисдикциях Российской Федерации и других государств – участников СНГ такого вида «договора», как процессуальное соглашение в уголовном судопроизводстве. Прежде чем приступить к реализации поставленной задачи, обозначим несколько существенных оговорок. «Договоры» в уголовном процессе, широко практикуясь в странах общей системы права, прежде всего на «родине» их «рождения» – в США, в науке и практике уголовного процесса обосновались под названием «делок с правосудием»¹⁶. Главная их цель заключается в стремлении сторон уголовного процесса

¹³ См. также: Договор как общеправовая ценность / В.Р. Авхадеев, В.С. Астахова, Л.В. Андриченко и др. М., 2018. С. 357–364, 370–380.

¹⁴ Идея данного определения заимствована из публикации: Ковлер А.И. Европейское Сообщество: институты «консенсусной демократии» // Европейская интеграция: правовые проблемы. М., 1992. С. 66–80; Авакьян С.А., Ковлер А.И., Кененова И.П. и др. Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А. Авакьян. М., 2016.

¹⁵ См., напр.: Семькина О.И. К вопросу о конституционной категории «правосудие» в уголовном праве // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г. / сост. К.Б. Калиновский. СПб., 2010. С. 279–283.

¹⁶ Подробнее см.: Семькина О.И. «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6 (25). С. 146–153; Договор как общеправовая ценность / В.Р. Авхадеев, В.С. Астахова, Л.В. Андриченко и др. С. 364–367.

получить некоторые «выгоды». Для стороны обвинения такие «выгоды» сводятся к упрощению уголовного судопроизводства. Сторона защиты получает «льготные» основания уголовной ответственности или смягчение наказания. Налицо влияние комбинации состязательной и обвинительной систем уголовного судопроизводства на правовое поле государства. Именно такой юридической природой обладает один из видов «сделки с правосудием» — «сделка о признании вины», сформированная в США во второй половине XIX в. и мало подвергшаяся изменениям. Обсуждение и заключение такой «сделки» есть проявление частно-искового характера американского судопроизводства¹⁷.

Однако, даже принимая во внимание явное сходство концептуальной идеи, позволим предположить, что рассмотрение термина «сделка с правосудием» как «эталона» или «кальки» для определения юридической природы процессуальных соглашений, приемлемых для уголовного судопроизводства ряда зарубежных государств, особенно принадлежащих к другой правовой семье, не всегда оправданно. Так, для процессуальных соглашений в уголовном процессе некоторых стран континентальной системы права, в частности Российской Федерации, свойственно куда больше различий, нежели сходств с «классической» американской моделью «сделки с правосудием» (далее — *“plea bargaining”*). Столь прогрессивный «договорной» механизм упрощения процедуры разрешения конфликта в уголовном и уголовно-процессуальном праве Российской Федерации носит «кластерный характер»¹⁸. Зачастую он воспроизводит лишь общую, поверхностную оболочку *“plea bargaining”*. Например, по своей направленности введенный в УПК РФ институт досудебного соглашения о сотрудничестве совпадает лишь по двум аспектам: 1) скорейшего урегулирования конфликта между сторонами и, как следствие, исключения стадии судебного разбирательства; 2) обязательного участия в процедуре прокурора и защитника (и, к слову, исключением из нее потерпевшего). В другой, гораздо большей степени юридическая сущность института досудебного соглашения о сотрудничестве в российском уголовном процессе не совпадает с пониманием *“plea bargaining”*. Ключевое, на наш взгляд, различие видится не столько в формулировках самих дефиниций и даже не в категориях (видах) преступлений, по которым такие соглашения допустимы, а в объеме «выгод», предоставляемых

подозреваемому (обвиняемому) в результате заключения соответствующих соглашений¹⁹.

Иная ситуация, более приближенная к «классической» модели *“plea bargaining”* и их высокой степени частноправовой направленности, складывается в уголовно-процессуальном законодательстве других государств — участников СНГ. «Пионером» во внедрении в национальное уголовно-процессуальное законодательство института «сдельного» правосудия является Республика Молдова. В этом государстве регламентация производства по соглашению о признании вины производилась с момента принятия Уголовно-процессуального кодекса — с 14 марта 2003 г. Во многом нормы УПК Молдовы (ст. 504–509) тяготеют к традициям общего права. Например, непосредственный интерес представляет дифференциация условий инициирования и заключения соглашения о признании вины, включая обязательное письменное заявление защитника с фиксацией процедуры обсуждения с подзащитным соглашения, а также включение в письменную форму соглашения поставленных вопросов (конфиденциально обсуждаемых с защитником), ответы на которые подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) должен дать собственноручно. Одной из особенностей заключения соглашения о признании вины и его рассмотрения в судебной инстанции является обязательное предупреждение лица, с которым такое соглашение заключается, об уголовной ответственности за дачу ложных показаний в инкриминируемом преступлении. Опыт упрощения уголовного судопроизводства при заключении процессуальных соглашений, назначения более мягкого наказания при их заключении и освобождения от ответственности при выполнении всех условий такого соглашения был внедрен в уголовно-процессуальное законодательство Республики Казахстан (с 1 января 2015 г.) и Кыргызской Республики (с 1 января 2019 г.). Так, по сравнению с положениями гл. 40¹ УПК РФ УПК Республики Казахстан (ст. 612–629) более конкретно формулирует понятие соглашения о сотрудничестве и порядок согласительного уголовного судопроизводства. Согласно ст. 612 УПК Республики Казахстан такое соглашение допустимо по всем категориям преступлений при способствовании раскрытию и расследованию преступлений, совершенных преступной группой, особо тяжких преступлений, совершенных иными лицами, а также экстремистских и террористических преступлений. Напротив, УПК Кыргызской Республики не допускает возможность заключения процессуального соглашения о сотрудничестве по

¹⁷ Подробнее см.: Бернам У. Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В.А. Власихин. М., 2006. С. 450, 459.

¹⁸ Юридический конфликт / отв. ред. Ю.А. Тихомиров. М., 2017. С. 191–198.

¹⁹ Подробнее см.: Семькина О.И. «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ. С. 146–153.

любым категориям преступлений, а строго ограничивает их количественный состав 18-ю статьями Уголовного кодекса, среди которых торговля людьми, разбой, вымогательство, акт терроризма и др. (ст. 492–498).

В рамках «консенсусного правосудия» государство может предложить и такие условия, принимая которые подозреваемый (обвиняемый, подсудимый) вправе рассчитывать на не применение меры пресечения в виде заключения под стражу, меньший по строгости вид и размер наказания либо даже на выведение из сферы правосудия. Здесь мы не можем обойти вниманием еще один аспект. Внедрение «консенсусного правосудия» архиактуально по уголовным делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности. Субъекты предпринимательства часто не в состоянии до конца спланировать риски в экономических отношениях, «застраховать» все непредвиденные обстоятельства в договоре и обеспечить их возможными гражданско-правовыми санкциями. Как следствие, многие «неконтрактные» сделки оказываются в поле зрения правоохранительных органов. Полагаем, что данная ситуация не приемлема для охранительной сферы правового регулирования. Именно «профессиональная роль» недобросовестных субъектов предпринимательства, попирающая принцип свободы предпринимательской деятельности, требует полноценной реакции уголовного законодательства с соразмерными санкциями и правовыми последствиями. Напротив, добросовестные субъекты предпринимательства, строящие бизнес на принципе добропорядочности, их права и законные интересы должны «выводиться» из сферы правосудия по уголовным делам и даже при условии возникновения в их отношении риска репрессивных мер государственного принуждения наделяться «иммунитетом» от необоснованного уголовного преследования.

На наш взгляд, с компаративной точки зрения научно-практический интерес в реализации этого тренда уголовной политики (особенно с позиции его своевременности для Российской Федерации²⁰) представляют модели трансформации правосудия по уголовным делам в сфере предпринимательской деятельности в национальном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве государств – участников СНГ. Тенденция к внедрению «консенсусного правосудия» по уголовным делам путем сокращения практики применения чисто наказательных санкций к субъектам предпринимательства и внедрения механизма

процессуальных соглашений проявляет «циклический» характер, адаптируясь в юрисдикциях многих государств – участников этого интеграционного объединения на евразийском пространстве. Например, центробежная сила «консенсусных» новаций, где во главу угла поставлено отступление от репрессивного подхода обновила и дополнила многие «традиционные» институты уголовного и уголовно-процессуального права Российской Федерации, Кыргызской Республики, Республик Беларусь, Казахстан и Узбекистан²¹.

В Общей части УК это коснулось прежде всего включения в институт освобождения от уголовной ответственности и наказания обязательств компенсационно-восстановительной направленности, при выполнении которых нивелируются негативные для субъекта правовые последствия реального осуждения (например, вследствие неприменения наказания в виде лишения свободы либо запрета заниматься определенным видом экономической деятельности). В Особенной части УК – акцент пришелся на расширение в уголовных законах специальных, «привилегированных» оснований освобождения от ответственности за отдельные виды преступлений в сфере предпринимательской деятельности. Но активация таких оснований в рамках правосудия по уголовным делам возможна лишь при исполнении субъектом деяния важнейших «консенсусных» условий, среди которых компенсация ущерба (вреда), причиненного преступлением, содействие правосудию и отсутствие иной преступной деятельности.

В уголовно-процессуальном законодательстве «заслон» на произвол должностных лиц, уполномоченных на ведение уголовного судопроизводства по делам о преступлениях, сопряженных с предпринимательской деятельностью, коснулся не только возбуждения уголовных дел и прекращения уголовного преследования, но и был включен в нормы о доследственных и досудебных проверках (ревизиях); доказывания по уголовным делам. Например, апробации подверглась «сквозная» для отраслей уголовного, уголовно-процессуального и налогового права модель «консенсусного правосудия», ориентированная на цель поддержки добросовестных субъектов предпринимательства, – освобождение от уголовной ответственности вследствие признания государством прав на имущество, выведенного из легального экономического оборота, на основании соблюдения процедуры его добровольного декларирования (легализации). Здесь, в частности, можно обозначить

²⁰ См., напр.: Послание Президента РФ от 01.03.2018 г. URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42902/page/4>; Послание Президента РФ от 20.02.2019 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/59863>

²¹ Подробнее см.: Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. М., 2019. С. 126–128.

позитивный опыт Российской Федерации и Республики Казахстан.

* * *

В качестве краткого итога отметим несколько ключевых идей.

1. При заимствовании институтов частного права в публичные отрасли права, в нашем случае уголовное и уголовно-процессуальное, сохраняются границы их отраслевой идентичности. В целом, соглашаясь с реальностью расширения сферы диспозитивного метода правового регулирования, эти отрасли переходят в статус своеобразной «дрейфующей платформы», на которой периодически, под влиянием общественной трансформации, производится обновление регуляторных механизмов. И хотя порой такие новации обрекают практику оперировать «кластерными» образованиями, имеется и позитивный опыт. «Консенсусное правосудие» как яркий пример положительного результата многих попыток заимствования диспозитивных начал частного права предлагает «фигуранту» уголовного дела множество преимуществ от договорного порядка урегулирования уголовно-правового конфликта. В их числе право на «льготные» правовые последствия от привлечения к уголовной ответственности и назначения наказания (заключить процессуальное соглашение и, как следствие, рассчитывать на более мягкий вид и размер наказания; возместить причиненный ущерб — освободиться от уголовной ответственности) либо на обладание привилегиями («иммунитетом») в производстве по отдельным категориям уголовных дел (по делам о преступлениях в сфере предпринимательской деятельности — не подвергаться мере пресечения в виде заключения под стражу либо освободиться от ответственности вследствие добровольного декларирования вывода доходов из национальной юрисдикции за рубеж).

2. В статье мы ограничились компаративным обзором заимствования института «договора». Вместе с тем «дрейфующая платформа» отраслей уголовного и уголовно-процессуального права нуждается в новых правовых регуляторах диспозитивной направленности и формах «консенсусного правосудия». Ведь роль судов в отправлении правосудия по уголовным делам не сводится лишь к вынесению приговоров, их основной вклад в разрешении споров заключается в обеспечении «бэкграунда», на базе которого урегулирование уголовно-правовых конфликтов происходит как в частном, так и в официальном порядке²². Уже сегодня уго-

²² Подробнее см.: *Галантер М.* Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С. Бормотова. Источник: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenou Law.

ловным и (или) уголовно-процессуальным законодательством некоторых государств — участников СНГ предлагаются диспозитивные варианты, характерные для других институтов частного права, например, обеспеченных правовой защитой «неформальных соглашений» (*pactum*²³). Так, в некоторой аналогии с “*pactum compromissi*” находятся соглашения, ориентированные на использование нерепрессивных начал разрешения уголовно-правовых конфликтов посредством медиации. В данной части новаторство введения в публичные отрасли права обстоятельств освобождения от уголовной ответственности (применительно к уголовному праву) и прекращения в связи с этим уголовного преследования (относительно уголовно-процессуального права) принадлежит Республикам Казахстан²⁴, Кыргызстан²⁵ и Молдова²⁶.

3. В уголовно-процессуальном праве государств — участников СНГ также актуальна «судьба» еще одной тенденции — заимствования механизмов такого вида «неформального соглашения», как “*mandatum*”. Здесь несомненный интерес представляют механизмы прекращения уголовного преследования с освобождением от уголовной ответственности с установлением поручительства (ст. 69 УК Казахстана и ст. 36 УПК Казахстана). Например, в казахстанской юридической литературе²⁷ это основание отождествляется с согласительными формами освобождения от уголовной

J. Legal Pluralism 196 1—47 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л. Панеях; лит. ред. А.М. Кадникова. М., 2014. С. 396, 397.

²³ См.: *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М., 2007.

²⁴ Подробнее см.: *Правосудие в современном мире* / под ред. В.М. Лебедева, Т.Я. Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 310—312.

²⁵ Подробнее см.: *Новые направления развития уголовно-законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование* / отв. ред. Н.А. Голованова, С.П. Кубанцев. С. 388—393.

²⁶ См. также: *Республика Казахстан*: ст. 1 Закона от 28.01.2011 г. № 401-IV «О медиации». URL: <http://adilet.zan.kz/rus/docs/Z1100000401>; ст. 68 УК; п. 15 ч. 9 ст. 64, п. 8 ч. 6 ст. 71, ст. 85, п. 5 ч. 1, ч. 5 ст. 170 и др. УПК; *Кыргызская Республика*: ч. 2 ст. 1, ст. 26 Закона от 28.07.2017 г. № 161 «О медиации». URL: <http://cbd.minjust.gov.kg/act/view/ru-ru/111668>; п. 18, 19 ст. 5, п. 24 ч. 4 ст. 41, п. 23 ч. 1 ст. 45, п. 14 ч. 1 ст. 47, ст. 62 и др. УПК; *Республика Молдова*: ст. 21, 22, 35—38 Закона от 03.07.2015 г. № 137 «О медиации». URL: https://www.legis.md/cautare/getResults?doc_id=110536&lang=ru; п. 24.1, 28 ч. (1) ст. 52, п. 14.1, 16.1 ч. (2) ст. 57, п. 12 ч. (3) ст. 58, п. 12.1 ч. (1) ст. 60, п. 18.1 ч. (1) ст. 62, п. 21.1 ч. (2) ст. 64, п. 29.1 ч. (2) ст. 66, п. 15.1 ч. (1) ст. 68, ч. 7 ст. 276, п. 1 ч. (2) ст. 285, п. 5 ч. (1) ст. 287.1, ст. 344—1 и др. УПК.

²⁷ См., напр.: *Абидов Н.* Особенности применения ст. 69 УК Казахстана в уголовном судопроизводстве // Журнал «Зангер» (Вестник права Республики Казахстан). 2016. № 11 (184). С. 70, 71.

ответственности, которые стимулируют лицо, совершившее уголовное правонарушение (проступок или преступление), к правомерному поведению и способствуют предупреждению рецидива.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Абидов Н.* Особенности применения ст. 69 УК Казахстана в уголовном судопроизводстве // Журнал «Зангер» (Вестник права Республики Казахстан). 2016. № 11 (184). С. 70, 71.
2. *Авакьян С.А., Ковлер А.И., Кененова И.П. и др.* Противодействие коррупции: конституционно-правовые подходы / отв. ред. и рук. авт. кол. С.А.Авакьян. М., 2016.
3. *Бернам У.* Правовая система США. Вып. 3 / науч. ред. В.А.Власихин. М., 2006. С. 450, 459.
4. *Братусь С.Н.* Предмет и система советского гражданского права. М., 2005. С. 106, 107.
5. *Галантер М.* Правосудие в разных залах: суды, частное правовое регулирование и неформальное правосудие / пер. Е.С.Бормотова. Источник: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenou Law. J. Legal Pluralism 196 1–47 // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / науч. ред. Э.Л.Панеях; лит. ред. А.М.Кадникова. М., 2014. С. 396, 397.
6. Договор как общеправовая ценность / В.Р.Авхадеев, В.С.Асташова, Л.В.Андриченко и др. М., 2018. С. 357–367, 370–380.
7. *Жалинский А.Э.* Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2016.
8. *Ковлер А.И.* Европейское Сообщество: институты «консенсусной демократии» // Европейская интеграция: правовые проблемы. М., 1992. С. 66–80.
9. *Нешатаева Т.Н.* Наднационализм: развитие внутреннего права ЕАЭС // Росс. правосудие. 2019. № 5. С. 38, 39.
10. *Новицкий И.Б.* Основы римского гражданского права. М., 2007.
11. Новые направления развития уголовного законодательства в зарубежных государствах: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. Н.А.Голованова, С.П.Кубанцев. М., 2019. С. 126–128, 388–393.
12. Правовая защита потерпевших в зарубежных странах / отв. ред. С.П.Кубанцев. М., 2017. С. 208–216, 297–300.
13. Правосудие в современном мире / под ред. В.М.Лебедева, Т.Я.Хабриевой. 2-е изд., доп. и перераб. М., 2017. С. 310–312.
14. *Семькина О.И.* К вопросу о конституционной категории «правосудие» в уголовном праве // Конституционно-правовые проблемы уголовного права и процесса: сб. материалов Междунар. науч. конф. Санкт-Петербург, 30–31 октября 2009 г. / сост. К.Б.Калиновский. СПб., 2010. С. 279–283.
15. *Семькина О.И.* «Сделка с правосудием» в уголовном судопроизводстве США и Российской Федерации: сравнительно-правовой анализ // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2010. № 6 (25). С. 146–153.
16. *Сидоренко Э.Л.* Диспозитивный режим уголовно-правового регулирования. М., 2013. С. 199.
17. *Талапина Э.В.* Право и цифровизация: новые вызовы и перспективы // Журнал рос. права. 2018. № 2. С. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1
18. Юридический конфликт / отв. ред. Ю.А.Тихомиров. М., 2017. С. 191–198.

REFERENCES

1. *Abidov N.* Features of the application of Article 69 of the Criminal Code of Kazakhstan in criminal proceedings // Journal “Zanger” (Bulletin of Law of the Republic of Kazakhstan). 2016. No. 11 (184). P. 70, 71 (in Russ.).
2. *Avakyan S.A., Kovler A.I., Kenenova I.P., etc.* Anti-corruption: constitutional and legal approaches / ed. and the author’s hand. col. S.A.Avakyan. M., 2016 (in Russ.).
3. *Bernam U.* The US legal system. Issue 3 / scientific ed. V.A.Vlasikhin. M., 2006. P. 450, 459 (in Russ.).
4. *Bratus S.N.* The subject and system of Soviet Civil Law. M., 2005. P. 106, 107 (in Russ.).
5. *Galanter M.* Justice in different halls: courts, private legal regulation and informal justice / transl. E.S.Bormotova. Source: *Galanter M.* 1981. Justice in Many Rooms: Courts, Privet Ordering, and indigenou Law. J. Legal Pluralism 196 1–47 // Law and law enforcement in the mirror of social science: a reader of modern texts / scientific ed. by E.L.Paneyakh; lit. ed. by A.M.Kadnikova. M., 2014. P. 396, 397 (in Russ.).
6. The Treaty as a legal value / V.R.Avkhadiev, V.S.Astashova, L.V.Andrichenko, etc. M., 2018. P. 357–367, 370–380 (in Russ.).
7. *Zhalinsky A.E.* Criminal law in anticipation of changes: theoretical and instrumental analysis. 2nd ed., reprint. and additional. M., 2016 (in Russ.).
8. *Kovler A.I.* European Community: institutions of “consensus democracy” // European integration: legal problems. M., 1992. P. 66–80 (in Russ.).

9. *Neshataeva T.N.* Supranationalism: the development of the internal law of the EAEU // Russ. justice. 2019. No. 5. P. 38, 39 (in Russ.).
10. *Novitsky I.B.* Fundamentals of Roman Civil Law. M., 2007 (in Russ.).
11. New directions of development of the criminal legislation of foreign States: a comparative legal research / ed. N.A. Golovanova, S.P. Kubantsev. M., 2019. P. 126–128, 388–393 (in Russ.).
12. Legal protection of victims in foreign countries / ed. by S.P. Kubantsev. M., 2017. P. 208–216, 297–300 (in Russ.).
13. Justice in the modern world / ed. by V.M. Lebedev, T. Ya. Khabrieva. 2nd ed., updated and rev. M., 2017. P. 310–312 (in Russ.).
14. *Semykina O.I.* On the question of the constitutional category “justice” in Criminal Law // Constitutional and legal problems of Criminal Law and process: collection of materials of the International Scientific Conference. St. Petersburg, October 30–31, 2009 / comp. K.B. Kalinovsky. SPb., 2010. P. 279–283 (in Russ.).
15. *Semykina O.I.* “Deal with justice” in criminal proceedings of the USA and the Russian Federation: comparative legal analysis // Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence. 2010. No. 6 (25). P. 146–153 (in Russ.).
16. *Sidorenko E.L.* Dispositive regime of criminal law regulation. M., 2013. P. 199 (in Russ.).
17. *Talapina E.V.* Law and digitalization: new challenges and prospects // Journal of Russ. law. 2018. No. 2. P. 5–17. DOI: 10.12737/art_2018_2_1 (in Russ.).
18. Legal conflict / res. ed. Yu. A. Tikhomirov. M., 2017. P. 191–198 (in Russ.).

Сведения об авторе

СЕМЫКИНА Ольга Ивановна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник отдела зарубежного конституционного, административного, уголовного законодательства и международного права Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации; 117218 г. Москва, ул. Б. Черемушкинская, д. 34

Authors' information

SEMYKINA Olga I. – PhD in Law, senior researcher, Department of Foreign Constitutional, Administrative, Criminal Law and International Law, Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation; 34 B. Cheremushkinskaya str., 117218 Moscow, Russia